

нейтралитете скандинавских стран.

— Нужно сделать все возможное, чтобы удержать их от вступления в войну. Одним фронтом против нас будет меньше, — сказал Молотов на прощание.

С каким-то чувством неудовлетворенности, усталости и встающей тяжелой ответственности я медленно пош-

ляндией. Сталин советовал усилить работу советского посольства по изучению обстановки в скандинавских странах в связи с проникновением Германии в эти страны, чтобы привлечь правительства Норвегии и Швеции и повлиять на Финляндию, дабы не допустить конфликта. И, как бы заключая, сказал, что “если уж не удастся его предотвратить, то он будет недолгим и обойдется малой кровью. Время “уговоров” и “переговоров” кончилось. Надо практически готовиться к отпору, к войне с Гитлером”.

Я почувствовала, что меня будто ударило каким-то током. Я впервые

Я тут вклинилась, хотела сказать о роли Сталина в истории. Но сказала только: “Ваше имя будет вписано...” Сталин поднял руку и остановил меня. Я ступевалась. Сталин продолжал:

“Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

ОН БЫЛ ПРОВИДЦЕМ

Вниманию читателей предлагается часть дневниковой записи известного партийного и государственного деятеля Александры Михайловны Коллонтай. В ней речь идет о ее встрече с И. В. Сталиным в ноябре 1939 года, в канун советско-финской войны. А. М. Коллонтай тогда была Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Швеции и прибы-

ла в Москву, чтобы решить служебные вопросы в наркоминделе и внешнеторговом ведомстве.

Публикацию записей А. М. Коллонтай подготовил доктор исторических наук М. И. Труш, с комментариями Р. И. Косолапова они были опубликованы в журнале “Диалог” (тираж 2 тыс. экз.).

Я сижу и ожидаю в приемной вызова Молотова. Часами жду. Секретари возвращаются из кабинета и лаконично бросают мне:

— Нет, все еще занят, обождите.

Наконец секретарь отворяет передо мною дверь кабинета Молотова:

— Войдите, Вячеслав Михайлович вас ждет.

Молотов начал беседу с вопроса:

— Приехали, чтобы хлопотать за ваших финнов?

— Я приехала, чтобы устно информировать вас, как за рубежом общественное мнение воспринимает наши сорвавшиеся переговоры с Финляндией. При личном свидании сделать объективное и полное донесение. Мне кажется, что в Москве не представляют себе, что повлечет за собой конфликт Советского Союза с Финляндией.

— Скандинавы убедились на примере Польши, что нацистам мы не даем пощады.

— Все прогрессивные силы Европы будут на стороне Финляндии.

— Это вы империалистов Англии и Франции величаете прогрессивными силами? Их козни нам известны. А как ваши шведы? Удержатся ли на провозглашенной нейтральности?

Я старалась кратко, но четко указать Молотову на те неизбежные последствия, какие повлечет за собой война. Не только скандинавы, но и другие страны вступятся за Финляндию.

На этом Молотов перебил меня.

— Вы имеете в виду опять-таки “прогрессивные силы” — империалистов Англии и Франции? Это все учтено нами.

Моя информация встречена была Молотовым решительным отводом. Молотов несколько раз внушительно повторил мне, что договориться с финнами нет никакой возможности. Он перечислил основы проекта договора с Финляндией, которые сводились к обеспечению наших границ, и, не посягая на независимость Финляндии, давали финнам компенсацию за передвижку линии границы более на север. На все предложения СССР у финской делегации был заготовлен только один ответ: “Нет, не можем принять”.

Так как никакие доводы не принимались во внимание, это создавало впечатление, что финское правительство решило для себя вопрос о неизбежности войны против СССР. Однако Советское правительство, говорил нарком, заинтересовано в

ла в гостиницу, перебирая детали встречи с Молотовым. Стремилась как можно быстрее решить служебные вопросы по наркоминделу и внешнеторговому ведомству и возвратиться в Стокгольм. Хотелось, особенно после встречи с Молотовым, позвонить Сталину. Внутренне порывалась несколько раз, но, созная всю сложившуюся обстановку, ту напряженность момента и ответственность, которая свалилась на Сталина, я беспокоить его не могла...

Прошло несколько суебливых дней. Я решила почти все свои дела и уже собиралась уезжать. Вдруг раздался телефонный звонок.

— Товарищ Александра Михайловна Коллонтай?

— Да. Я вас слушаю.

— Вас приглашает товарищ Сталин. Могли бы вы встретиться? И какое время вас бы устроило?

Я ответила, что в любую минуту, как это угодно товарищу Сталину.

Какое-то время наступило молчание. Видимо, секретарь докладывал Сталину.

— А сейчас можете?

— Конечно, могу.

— Через семь минут машина будет у главного подъезда гостиницы “Москва”. До свидания, Александра Михайловна.

Я вновь в кабинете Сталина в Кремле. Сталин встал из-за своего рабочего стола мне навстречу и, улыбаясь, долго тряс мою руку. Спросил о здоровье и предложил присесть.

Внешне Сталин выглядел усталым, озабоченным, но спокойным, уверенным, хотя чувствовалось, каккая глыба тяжести на нем лежит. Это с особой силой я почувствовала, когда Сталин стал прохаживаться вдоль длинного стола взад и вперед. Его голова как будто втянулась в плечи под громадою дел. И тут же Сталин спросил: “Как идут дела у вас и ваших скандинавских нейтралов?”

Пока я собиралась кратко и притом емко ответить, Сталин заговорил о переговорах с финской делегацией в Москве, о том, что шестимесячные переговоры ни к чему не привели. Финская делегация в середине ноября уехала из Москвы и больше не вернулась с “новыми директивами”, как обещала. Договор, который должен был обеспечить мир и мирное соседство между СССР и Финляндией, остался неподписанным. Сталин был обеспокоен, но никакой тревоги не ощущалось.

В основном разговор велся вокруг обстановки, сложившейся с Фин-

ошутила, как близка война. Из моих рук даже вывалился блокнот, который я брала с собой, идя в Кремль к Сталину, чтобы все записать...

На этот раз беседа продолжалась более двух часов. Я не заметила, как быстро пролетело время. Сталин, беседуя со мной, в то же время как бы рассуждал вслух сам с собой. Он коснулся многих вопросов: о поражении народного фронта в Испании, много говорил о героях этой борьбы. Это продолжалось всего несколько минут. Главные его мысли были сосредоточены на положении нашей страны в мире, ее роли и потенциальных возможностях. “В этом плане, — подчеркнул он, — экономика и политика неразделимы”. Говоря о промышленности и сельском хозяйстве, он назвал нескольких ответственных лиц за дела и десятки имен руководителей больших предприятий, заводов, фабрик и работников в сельском хозяйстве. Особо он был обеспокоен перевооружением армии, а также ролью тыла в войне, необходимостью усиления бдительности на границе и внутри страны. И, как бы заключая, особо подчеркнул:

“Все это ляжет на плечи русского народа. Ибо русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа — ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него — стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ — неодолим, неисчерпаем”.

Я старалась не пропустить ни одного слова, так быстро записывала, что сломался карандаш. Я как-то неуклюже стремилась схватить второй из стоящих на столе, чуть не повалила их подставку. Сталин взглянул, усмехнулся и стал прикуривать свою трубку...

Размышляя о роли личности в истории, о прошлом и будущем, Сталин коснулся многих имен — от Макдональда до Наполеона. Я старалась не пропустить, в каком порядке он стал перечислять русские имена.

Начал с киевских князей. Затем перечислил Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Калиту, Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Закончил Марксом и Лениным.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появятся много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом и будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом”.

Эта беседа произвела на меня неизгладимое впечатление. Я по-другому взглянула на окружающий меня мир. Я к ней обращалась мысленно много-много раз уже в годы войны и после нее, перечитывала неоднократно и все время находила в ней что-то новое, какой-то поворот, какую-то новую грань. И сейчас, как наяву, вижу кабинет Сталина в Кремле. В нем длинный стол и Сталина...

Уходя из кабинета, я ощутила какую-то грусть. Прощаясь, Иосиф Виссарионович сказал: “Крепитесь. Наступают, не за горами тяжелые времена. Их надо преодолеть”. И, немного помолчав, сказал: “Преодолеем. Обязательно преодолеем! Берегите себя, крепите здоровье, закаляйтесь в борьбе!”

Выйдя из Кремля, я не пошла, просто побежала, не замечая никого, повторяя, чтобы не забыть, сказанное Сталиным. Войдя в дом, я тут же вытащила блокнот со своими заметками, схватила бумагу и стала записывать. Взглянула на часы. Была уже глубокая ночь. Часы показывали без десяти минут два...